

Люксембург Роза

Реформа или революция?

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р64

Р64 **Роза Л.**
Реформа или революция? / Люксембург Роза – М.: Книга по Требованию, 2023. – 88 с.

ISBN 978-5-519-94474-8

ISBN 978-5-519-94474-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

смотрением теоретического спора с современным оппортунизмом. До тех пор, пока теоретическое познание останется в партии привилегией горсти „академиков“, ей постоянно будет угрожать опасность сбиться с пути. Только тогда, когда широкие массы рабочего класса сами возьмут в руки надежное остро отточенное оружие научного социализма, исчезнут все мелкобуржуазные уклонения, все оппортунистские течения. Тогда и движение станет на верную и твердую почву. „Масса сделает это“.

Роза Люксембург.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ¹⁾.

1. Бернштейновский метод.

Если теории представляют собой отражения явлений внешнего мира в человеческом мозгу, то, имея в виду новейшую теорию Эдуарда Бернштейна, мы приходим к заключению, что теории иногда представляют отражения, обратные действительности. Теория введения социализма путем социальных реформ в эпоху Штумма Посадовского; теория контроля профессиональных союзов над процессом производства— после поражения английских машиностроительных рабочих; теория преобладания в парламенте социал-демократического большинства—после пересмотра саксонской конституции и покушение на всеобщее избирательное право в рейхстаг! Но центр тяжести рассуждений Бернштейна лежит, по нашему мнению, не в его взглядах на практические задачи социал-демократии, а в том что он говорит о ходе объективного развития капиталистического общества, с чем, конечно, очень тесно связаны и вышеупомянутые взгляды его.

По мнению Бернштейна, общее крушение капитализма по мере развития последнего становится все менее вероятным, так как капиталистическая система с каждым днем проявляет все большую способность приспособления, а производство постоянно все больше дифференцируется. Приспособляемость капитализма выражается, по мнению Бернштейна, во-первых в исчезновении всеобщих кризисов, что обусловливается развитием кредита, предпринимательских организаций средств сообщения, а также почтово-телеграфных сношений; во-вторых, в устойчивости среднего сословия, как результата по-

¹⁾ Критика статей Бернштейна: „Проблемы социализма“.

стоянной дифференциации отраслей производства и перехода широких слоев пролетариата в среднее сословие, и, наконец, в-третьих, приспособляемость эта выражается в экономическом и политическом улучшении положения пролетариата, как следствии профессиональной борьбы.

Отсюда для социал-демократии вытекает общее указание, что ее деятельность должна быть направлена не на захват политической власти в государстве, а на улучшения положения рабочего класса и на введение социализма не путем социальной и политической революции, а путем постепенного расширения общественного контроля и постепенного проведения кооперативного принципа.

Сам Бернштейн не видит ничего нового в своих рассуждениях и полагает даже, что они согласны как с отдельными заявлениями Маркса и Энгельса, так и с общим направлением деятельности социал-демократии до самого последнего времени. Однако, на наш взгляд, при более основательном знакомстве с сущностью его воззрений, трудно отрицать, что они находятся в коренном противоречии со всем ходом мысли научного социализма.

Если бы весь бернштейновский ревизионизм исчерпывался утверждением, что ход капиталистического развития совершается гораздо медленнее, чем это принято считать, то это значило бы только, что захват политической власти пролетариатом необходимо отсрочить; а отсюда практически можно было бы, в крайнем случае, сделать вывод о более медленном темпе борьбы.

Но дело не в этом. Бернштейн поднимает вопрос не о темпе, а о самой тенденции развития капиталистического общества и, в связи с этим, о переходе к социалистическому строю.

Если социалистическая теория до сих пор принимает, что исходной точкой социалистического переворота будет всеобщий уничтожающий кризис, то при этом следует, по нашему мнению, различать основы теории от ее внешней формы.

Эта теория предполагает, что капиталистический строй сам по себе, в силу собственных противоречий, подготовит мо-

мент своего разрушения, когда существование его делается просто невозможным. Если этот момент представляют в форме всеобщего разрушительного промышленного кризиса, то для этого имеется, по нашему мнению, глубокое основание, но, тем не менее, в самом основании социализма он играет лишь второстепенную роль.

Социализм черпает свое научное обоснование в трех основных тенденциях капиталистического развития: прежде всего, в усиливающейся анархии капиталистического хозяйства, которая ведет его неизбежно к гибели, во-вторых, в растущем обобществлении производственного процесса, которое создает положительную отправную точку для создания социалистического строя, и, в третьих, в растущей силе и классовом сознании пролетариата, являющихся активным фактором предстоящего переворота.

Первую из перечисленных главных основ научного социализма Бернштейн опровергает. Он утверждает, что капиталистическое развитие не идет навстречу всеобщему хозяйственному краху.

Но этим он отрицает не только определенную форму гибели капиталистического строя, но и самую возможность его гибели. Он ясно говорит: „когда говорят о крушении современного общества, то имеют при этом в виду больше чем всеобщий и усиленный, по сравнению с прежними, промышленный кризис, а именно—полную гибель капиталистической системы в силу ее собственных противоречий“. И далее он заявляет: „приблизительно одновременная и полная гибель современной системы производства становится с дальнейшим развитием общества не более, а менее вероятной, так как это развитие увеличивает приспособляемость индустрии, одновременно усиливая ее дифференциацию ¹⁾“.

Но в таком случае возникает важный вопрос, почему и каким образом мы вообще придем к конечной цели наших стремлений? С точки зрения научного социализма, историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталисти-

¹⁾ „Neue Zeit“, 1897/98, № 18, I. 555.

ческой системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм перестает быть объективно необходимым. Из краеугольных камней его научного фундамента остается тогда только два других продукта капиталистического строя: обобществленный процесс производства и классовое сознание пролетариата. Это имеет в виду Бернштейн, когда говорит: „социалистическая мысль (с устранением теории крушения) нисколько не теряет в своей убедительности. Что, в самом деле, представляют собою, если внимательно присмотреться, перечисленные нами факторы устранения или видоизменения прежних кризисов? Все это факты, которые одновременно представляют собою предпосылку и отчасти даже исходные пункты обобществления производства и обмена ¹⁾“.

Достаточно, однако, беглого взгляда, чтобы доказать ложность и этого заключения. В чем заключается значение явлений, именуемых Бернштейном средствами приспособления капитализма: картелей, кредита, усовершенствования средств сообщения, поднятия рабочего класса и. т. д? В том, конечно, что они устраняют, или, по крайней мере, притупляют внутренние противоречия капиталистического хозяйства, мешают их развитию и обострению. Так устранение кризисов означает уничтожение противоречия между производством и обменом на почве капитализма; улучшение положения рабочего класса, как такового, и отчасти переход его в среднее сословие означает притупление противоречия между трудом и капиталом. Итак, раз картели, кредит, профессиональные союзы и т. д. уничтожают капиталистические противоречия и, следовательно, спасают капиталистическую систему от окончательной гибели и сохраняют капитализм (поэтому Бернштейн и называет их „средствами приспособления“),—как же они могут в то же самое время представлять собою „предпосылки и отчасти даже исходные пункты социализма“? Очевидно, лишь в том смысле, что они со-

¹⁾ „Neue Zeit“, 1897/98, № 18, S. 554; русск. пер., стр. 217.

действуют более ясному проявлению общественного характера производства. Но, поскольку они сохраняют его капиталистическую форму, постольку они делают излишним переход этого обобщественного производства в социалистическую форму. Поэтому они могут служить исходными пунктами и предпосылками социалистического строя только в идейном, а не в историческом смысле, т.-е. это такие явления, которые, как мы знаем на основании нашего представления о социализме, близки к последнему, но фактически не только не могут произвести социалистического переворота, а скорее делают его излишним. Таким образом в качестве обоснования социализма остается только классовое сознание пролетариата. Но и оно в данном случае не просто духовное отражение все более обостряющихся противоречий капитализма и его предстоящей гибели,—ведь эта последняя предотвращается средствами приспособления,—а только идеал, притягательная сила которого покоится на его собственных, ему приписанных совершенствах.

Одним словом, этим путем мы получаем обоснование социалистической программы посредством „чистого познания“, или, проще сказать, идеалистическое обоснование, а объективная необходимость, т.-е. доказательство, основывающееся на самом ходе материального развития общества, отбрасывается. Теория Бернштейна стоит перед дилеммой: или социалистический переворот вытекает из объективных противоречий капиталистического строя, и результатом их будет в свое время крушение его в той или иной форме, но в таком случае „средства приспособления“ недействительны, и теория крушения верна. Или „средства приспособления“ действительно предотвращают крушение капиталистической системы, делают, таким образом, капитализм способным к существованию и устраняют, следовательно, его противоречия; но в таком случае социализм перестает быть исторической необходимостью и представляет собою все, что угодно, но только не результат материального развития общества. Эта дилемма ведет к другой: или Бернштейн прав в отношении хода капиталистического развития, и в таком случае социалистическое преобразование общества превра-

щается в утопию, или социализм не есть утопия, но тогда неверна теория средств приспособления. That is the question—вот вопрос.

2. Приспособление капитализма.

К важнейшим средствам приспособления капиталистического хозяйства принадлежат, по мнению Бернштейна, кредит, усовершенствованные средства сообщения и организации предпринимателей.

Начнем с кредита. Он исполняет в капиталистическом хозяйстве разнообразные функции, но самая важная из них состоит, как известно, в увеличении способности производительных сил к расширению, в посредничестве и облегчении обмена. Там, где имманентная тенденция капиталистического производства к неограниченному расширению наталкивается на рамки частной собственности, на ограниченные размеры частного капитала, кредит является средством капиталистически преодолеть эти препятствия; он спаивает в один много частных капиталов (акционерные общества) и предоставляет в распоряжение капиталиста чужой капитал (промышленный кредит). С другой стороны, он, в качестве торгового кредита, ускоряет обмен товаров, т.-е. ускоряет возвращение капитала к производству, а следовательно, и весь круговорот производственного процесса. Легко увидеть то влияние, которое обе эти важнейшие функции кредита оказывают на возникновение кризисов. Если кризисы, как известно, вытекают из противоречия между способностью и тенденцией производства к расширению, с одной стороны, и ограниченной способностью потребления, с другой,—то, согласно вышесказанному, кредит как бы предназначен для того, чтобы как можно чаще вскрывать это противоречие. Прежде всего, он увеличивает до необычайных размеров способность производства к расширению и постоянно создает в нем внутреннее побуждение выйти за пределы рынка. Но он бьет на два фронта.

Раз кредит, в качестве фактора производственного процесса, вызывает перепроизводство, то, в качестве средства об-

ращения, он с тем большей силой поражает во время кризиса им же самим вызванные производительные силы. При первых признаках застоя кредит сокращается, не приходит обмену на помощь там, где это как раз надо, не производит действия и оказывается бесцельным там, где он еще функционирует и таким образом сокращает во время кризисов способность потребления до минимальных размеров.

Кроме этих двух важнейших последствий, кредит действует еще во многих отношениях на образование кризисов. Он является не только техническим средством, дающим капиталисту возможность распоряжаться чужим капиталом, но в то же время служит поощрением к смелому и беззаботному употреблению чужой собственности, следовательно, ведет к рискованным спекуляциям. В качестве коварного средства обращения он не только обостряет кризис, но и облегчает его наступление и распространение; он превращает все обращение в чрезвычайно сложную и искусственную махинацию с минимальным количеством металлических денег в качестве реальной основы, так что малейший повод вызывает в ней расстройство.

Таким образом кредит далеко не является средством устранения или хотя бы только смягчения кризисов, а, совершенно напротив, представляет собою особый и могущественный фактор для создания кризисов. Да иначе и быть не может. Специфическая функция кредита, в самых общих чертах, заключается именно в том, чтобы лишить все капиталистические отношения последнего остатка устойчивости и внести повсюду возможно большую эластичность, сделать все капиталистические потенциальные силы в высшей степени растяжимыми, относительными и чувствительными. Ясно, что это может только обострить и облегчить появление кризиса, который есть не что иное, как периодическое столкновение противодействующих потенциальных сил капиталистического хозяйства.

Но это приводит нас в то же время к другому вопросу: каким образом кредит вообще может явиться „средством приспособления“ капитализма? В каком бы отношении и под

какой бы формой мы ни представляли себе это „приспособление“ при посредстве кредита, сущность такого приспособления может заключаться, очевидно, только в одном: благодаря ему сглаживается какое-либо противоречивое отношение в капиталистическом хозяйстве, уничтожается или притупляется какое-либо из его противоречий, и таким путем силы, сжатые в одном пункте, получают возможность выйти на широкий простор. Однако, если имеется в современном капиталистическом обществе средство, способное довести все его противоречия до крайней степени, то это именно кредит. Он усиливает противоречие между способами производства и обмена, доводя производство до наибольшего напряжения и при малейшем поводе парализуя обмен. Он усиливает противоречие между способом производства и способом присвоения, отделяя производство от собственности, превращая капитал, занятый в производстве, в общественный, а прибыли придавая форму чистого процента на капитал, т.-е. чистой частной собственности. Он повышает противоречие между отношениями владения и производства, концентрируя путем насильственной экспроприации многих мелких капиталистов громадные производительные силы в руках немногих. Он повышает противоречие между общественным и частным характером производства, делая необходимым вмешательство государства в производство (акционерные общества).

Одним словом, кредит воспроизводит все коренные противоречия капиталистического мира и доводит их до нелепости, доказывая таким образом капиталистическому обществу его несовершенства, ускоряет темп, с которым оно спешит навстречу своей собственной гибели — крушению. Итак, что касается кредита, то первое, что должен был бы сделать капитализм в целях своего приспособления, — уничтожить кредит, прекратить его деятельность. В своем настоящем виде он служит не средством приспособления, а средством уничтожения, обладающим чрезвычайно революционным влиянием. Ведь именно этот революционный, разрушающий капиталистические рамки характер кредита вызвал даже реформаторские планы с легкой социалистиче-

ской окраской и превратил, по выражению Маркса, главных защитников кредита в полупророков, полумошенников.

Настолько же придуманным является при ближайшем изучении и второе „средство приспособления“ капиталистического производства—союзы предпринимателей. По мнению Бернштейна, они должны путем регулирования производства прекратить анархию и предупредить кризисы. Об этом, понятно, могла бы быть речь постольку, поскольку картели, тресты и т. д. хоть приблизительно имели тенденцию сделаться всеобщей и господствующей формой производства. Но это как раз противоречит самой природе картелей. Конечная экономическая цель союзов предпринимателей состоит в том, чтобы путем уничтожения конкуренции внутри данной отрасли воздействовать на распределение общей массы полученной на товарном рынке прибыли в смысле увеличения доли этой отрасли индустрии. Но организация может поднять норму прибыли одной какой-либо отрасли индустрии только за счет других и по одному этому не может сделаться всеобщей. Распространяясь на все наиболее важные отрасли производства, она сама уничтожает свое влияние.

Но и в пределах своего практического осуществления союзы предпринимателей действуют в направлении, совершенно противоположном прекращению промышленной анархии. Указанное повышение нормы прибыли достигается картелями на внутреннем рынке обыкновенно тем, что дополнительные части капитала, которые не могут быть применены для внутренних потребностей, они пускают в производство для вывоза, довольствуясь гораздо более низкой нормой прибыли. Результатом этого является обострение конкуренции за границы, увеличение анархии на мировом рынке, т.-е. как раз противоположное тому, к чему стремились. Примером этого служат современные отношения в международной сахарной промышленности.

Наконец, союзы предпринимателей в их целом, как одну из форм капиталистического способа производства, должно рассматривать, как переходную стадию, как определенную фазу капиталистического развития. В самом деле, картели